

Анжелика Меркулова

18+

Грёзы Есени

Анжелика Меркулова

Грёзы Есени

«Автор»

2026

Меркулова А.

Грёзы Есени / А. Меркулова — «Автор», 2026

Говорят, если девица придёт к старой ели и ответит Морозу, — одарит он её серебром да суженым знатным. Так гласила сказка. Есения — не княжна и не чародейка, простая девица с яркими мечтами и открытым сердцем. Она поверила в старую сказку и решила отправиться в зачарованный лес. Сам Князь Зимы выбирает её в жёны. Но терем его — хрустальный и пустой, а муж он — далёкий и холодный. И только случайная встреча с его братом, повелителем Лета, пробуждает в сердце девицы то, о чём она не смела даже думать. Это не сказка о послушании и награде. Это история о запретной страсти, что плавит лёд, о выборе, который не укладывается в «правильно-неправильно», и о простой смертной, что оказалась сильнее самих богов. История, в которой переплетаются жаркая баня, ледяной терем, две пары глаз — голубых, но таких разных — и одна серебряная снежинка, внутри которой спрятана золотая искра.

© Меркулова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сестрицыны сказки.	5
Глава 2. Зачарованный лес.	7
Глава 3. Терем расписной.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анжелика Меркулова

Грёзы Есении

Глава 1. Сестрицены сказки.

В бане поздним вечером трещала лучина. Пахло распаренным берёзовым листом, мёдом да травами душистыми. За стенами выла вьюга, а здесь, в жарком полумраке, сидели две сестрицы — Настенька да Марфуша, — косы длинные маслом репейным увлажняли, шептались.

Жарко натоплено. Пар стоял густой, влажный — дышишь, ровно дурман горячий да хмельной по нутру разливается. Лучина мерцала, тени по брёвнам плясали. Тела в неверном свете лоснились, точно мёдом облитые. Дышали девицы часто — одна только веник возьмёт, у другой уж кожа зудит от предчувствия прикосновения горячего.

О прошлом годе Настенька замуж вышла. Счастье своё обрела, сияла вся, ровно месяц ясный — ещё бы, сам Князь Мороз ей Ивана-жениха сосватал. А Марфуша всё в девках сидела, на суженого гадала да в лес зачарованный поглядывала — туда, где Морозов терем за елью схоронился. Только тени от лучины по лицу её бледному плясали, по глазам огромным бегали, в коих — ни искорки.

— Настенька, гляди, — тихо молвила сестрица и медленно, ровно кошка ластится, провела ладонью по длинной копне светлых локонов. Волосы сквозь пальцы тяжёлой волной потекли, голую спину щекотали, к влажным плечам липли. Капли янтарные по ключицам бежали да по груди упругой, дорожки блестящие на коже изнеженной оставляя. — Маслом репейным, что я всё лето на корне лопушника настаивала, до самого пояса отросли. Густы да русы, как у русалки речной. Возьми, попробуй.

Она протянула горшочек заветный, и масло качнулось внутри, блеснув густым янтарём. Кончиками пальцев Марфуша зачерпнула немного, растёрла в ладонях и потянулась к сестрицойнй косе.

— Матушка тебя теперь за косы не отгаскает — Иван защитит, а ты его порадуешь красою девичьей.

— Ох, Марфуша, — вздохнула Настенька, принимая глиняный горшочек. — Добрая ты. А сама всё о своём?

— О чём же?

— О лесе. О Морозке. Не унимаешься?

Марфуша помолчала, потом подняла глаза — и в них впервые блеснуло что-то живое. Настенька отставила горшок, посмотрела на сестру внимательно.

— Скажи, Марфа... а правду люди болтают? Будто батюшка твой родной не крестьянин простой, а купец знатный? И жили вы с маменькой в тереме, почитай, княжеском?

— Правда, Настенька. И вовсе не Марфа я. Батюшка мой родимый назвал меня Есенией. Яночкой ласково величал. Встретил он матушку мою осенью ранней, а родилась я поздней весной, на заре, когда небо ясное-преясное было. Вот и назвал — в честь поры той светлой, когда любовь его душу озарила.

— Так ты... — Настенька придвинулась ближе, глаза широко распахнула. — Та самая Есения Святозаровна? У нас на селе чего только про терем тот не плели! Будто батюшка твой беса срамного тешил, а после в храм дары подносил, чтоб батюшка с амвона не проклял. Стыд, мол, один!

Помолчала Марфуша. Потом усмехнулась горько.

— Любил он меня, сестрица, — только и сказала. — Без памяти любил, пуще прочих деток своих. Оттого и не ладили с нами в тереме том. Убили батюшку братовья его жадные.

Бежали мы с матушкой. Отец твой, Настенька, пожалел нас, приютил. Только матушка моя строго-настрого запретила мне прошлое припоминать, и так Марфушей нарекла, чтоб от беды укрыться и никто из родни богатой нас не сыскал. Так и живу — с именем чужим, будто краденым.

— Ой, и я ведь тебя столько лет Марфушей звала? — Настенька опешила.

— Так и надо. Для всех в деревне - я Марфа. Только тебе сегодня я правду открыла.

— Ох, и хлебнула ты лиха, — Настенька погладила её по руке.

— Твоя доля не слаще, сестрица. Меня хоть батюшка твой не тиранил, хлебом да кровом не попрекал. Он добрый человек, не то что матушка моя...

Настенька вздохнула, отводя взгляд. Сестры помолчали.

— Ты всё не передумала сбежать? — спросила младшая тихо. — Хоть и не такие лютые ещё морозы, но всё равно в лес одной?..

— Не переживай, сестрица. Ты ведь мне ель заветную указала, путь до неё я запомнила. А там уж Мороз меня в терем свой сам проводит и дарами драгоценными осыпет. Вышивать ты меня научила, перину взбивать — тоже. Готовлю я правда всё ещё плохо, но, может, сжалится надо мною добрый Князь. Не видать ведь мне жениха без приданого.

— Прости меня, Марфуша, — опустила Настенька глаза виновато. — Не нарочно я вперёд старшей сестры замуж вышла. Просто полюбила Ивана всем сердцем. Не было мочи ждать нам.

Марфуша покачала головой, и вдруг губы её тронула улыбка странная — не горькая, не печальная, а какая-то... тайная.

— Скажи, Настенька... как думаешь, а мне Мороз поможет любовь мою отыскать? Чтобы сердце в трепете страстном заходило и душа плясала, как огонь на ветру, а внизу живота горячо становилось, будто уголёк проглотила... Ведь не за богатством я в лес иду зачарованный. А за тем, отчего в груди теплеет и дыхание перехватывает.

Сестрица глянула на неё долгим взглядом и перекрестила, сама не зная зачем.

— Будь осторожна, Марфушенька. Мороз — он разный бывает. Кому — богатство, а кому — смерть. А любовь быть может, и сам ищет, да не знает, где взять её.

Марфуша ничего не ответила.

И Настенька замолчала. Вспомнился ей тот вечер под елью — хотела рассказать, как зуб на зуб не попадал, как стынь до костей пробирала, ни жива ни мертва сидела, и голос подвёл — только и сумела вымолвить: «Тепло, Морозушка». А он явился — высокий, ликом бел, что первый снег, в очах — глубь ночная, иней на ресницах. Будто из сизого льда изваян, и холод от него волнами шёл, душу саму выстужая. Спросил только: «Тепло ли тебе, девица?» — а голос тот Настенька кожей почувяла: низкий, в самую грудь прошёл и ниже, где страх живёт... и чего ещё, но тому она названия не знала. Не прикоснулся он — даже пальцем не тронул. А ей вдруг жарко сделалось, стыдно и сладко. Будто не Мороз перед ней, а суженый ряженный. Да только морок то был, испытание ли — не разобрала. Наутро — сундук с серебром. И всё.

А Марфуша её о чувствах спрашивает. О таком, отчего «дыхание перехватывает». Взглянула Настенька на сияющие глаза сестры — и промолчала. Не о серебре та мечтала. О сердечном же Настенька сама ничего не ведала, оттого и судить не бралась.

Глава 2. Зачарованный лес.

Настала осень поздняя. Сыпал с неба снежок — мелкий да робкий, землю едва прихватывал, деревья серебрил. В избе было тихо. Мужики ещё с утра укатили на санях в соседнее село — на ярмарку товар повезли. Шкуры медвежьи да туеса резные, утварь глиняную. К вечеру только воротятся. В избе Настенька у печи сутилась, блины выпекала. А Есения у окна, на лавке, места себе не находила — всё снег тот первый глазами ловила.

Едва дождалась она снега этого. Цельный год почитай маялась.

Матушка после обеда спать завалилась — жарко натоплено, разморило. Ясна тихонько с печи слезла, сарафан праздничный из сундука вынула — тот, что к Пасхе шила, да всё не к месту в деревне носить. Шитьё на нём золотое, рукава длинные, подол широкий. Обрядилась, сапожки новые обула — красные, каблучок высокий, носок вострый. Губы да щёки свёклой натёрла, брови угольком подвела, ресницы — тоже. В зеркальце глянула — красавица, хоть под венец.

Долго готовилась. В косу тугую ленту алую вплела — чтоб на снегу виднее было.

Ещё весной Настенька сестрице путь указала — до того дерева, где Князь Мороз ей встретился. «Сядешь под елью, — шепнула сестрица, — он сам тебя найдёт. Иди, Яночка, не бойся. Коли судьба будет милостива — получишь и ты приданое богатое».

Выскользнула Есения за дверь, пока мать храпела, а батюшка с Иваном ещё не воротились.

А в лесу то — чудо.

В деревне одна слякоть да грязь, по колено месиво. А здесь — снег лежит ровный, пушистый, ни следа, ни пятнышка. Деревья в инее стоят, ветки к земле пригнулись — и каждая, будто хрустальная, светится, переливается. Тишина — только снежок под сапожками поскрипывает. Вдруг вдали филин ухнул, да волк завыл — но не страшно Ясне, верит она в свою судьбу.

Шла Есения в чащу лесную, а сосновый бор всё глуше и страньше становился. Сосны — в три обхвата, макушками в небо упираются, мохнатые лапы до самой земли свесили. Снег под сапожками уж и не скрипит даже — мягкий, пушистый, как лебяжий пух. Воздух прозрачный, холодный, но не колючий — обнимает, за щёки щиплет, дышится часто и сладко. Зябко Ясне в сарафане тонком, да тепло от ходьбы и мыслей светлых.

А дороги-то и нет. Лишь тропинка звериная петляет меж корней, то вправо уведёт, то влево, а то и вовсе пропадёт под снежной периной.

— Настенька сказывала: «Иди прямо, да всё время на солнце оглядывайся», — прошептала Есения, поднимая голову. А солнце сквозь ветви едва пробивается — пятнами золотыми по сугробам рассыпалось, да и те пляшут, переливаются, слепят. Поди разбери, где север, где полдень.

Сбилась девица с пути. Уж и зарубки на деревьях оставляла. Уж и стволы замшелые обходила кругом — всё одно место. Стоит берёза кривая, вся в наростах, словно старуха морщинистая, — и кажется Ясне, что уже много раз она мимо неё проходила. А вон и тот самый пенёк трухлявый, что грибами оброс.

Остановилась.

— Никак, заблудилась, — вымолвила тихо, и не страшно ей стало, а досадно. — Эдак до ночи прохожу, да и замёрзну тут без спросу.

И тут вышла она на поляну, а посредине — большая ель лежит. Рухнула, видать, ещё прошлой весной — корни выворочены, земляная стена под ними на полсажени вверх поднялась. Ствол толстый, в три кольца не обхватить, мхом порос, а на мху — ягоды брусничные, снегом припорошённые, алым горят.

— Отдохну малость, — решила Есения, присела на край поваленного ствола. Сарафан расправила, чтоб не замарать, ножки вытянула — сапожки красные на снегу как жар горят.

Тихо в лесу. Только где-то далеко дятел долбит, да с ветки на ветку синицы перескакивают. А потом — враз, будто сговорились, — зашебетали. Со всех сторон птицы слетелись: серенькие, жёлтогрудые, хохлатые — глаз не отвести. Вокруг Есении вьются, на плечи садятся, на ладошки заглядывают.

Улыбнулась Ясна.

— Голодные, поди, — сказала ласково. Вынула из кармана узелок с хлебом, что припасла с вечера. Крошек насыпала на варежку, протянула.

Птицы и вовсе осмелели. Клюют, чирикают, толкаются. А одна — маленькая, серенькая, с белой грудкой — прямо на палец села, голову набок склонила, глазом-бусинкой сверлит.

Рассмеялась Есения.

— Ишь ты, ручная какая! — шепнула. А потом, сама не зная зачем, в шутку молвила: — А не подскажете ли мне, пташки-синички, дорогу до Князя Мороза?

Вмиг стихло всё.

Птицы как взметнутся — кто в кусты, кто в небо, кто за кору забился. Только белая грудка замерла, не шелохнётся.

Есения и ахнуть не успела — а та вдруг расправила крылышки, отскочила на сучок, да и молвит человеческим голосом, тоненько, но внятно.

— Зачем тебе он понадобился, красна девица?

У Есении сердце ёкнуло, а потом — отпустило. Улыбнулась.

— Вот тебе и лес зачарованный, — вымолвила тихо. — Значит, верную дорогу отыскала.

Глубоко вздохнула Ясна, поправила на плечах шаль от волнения. С мыслями собралась. Птица ждала, голову склонив, глазом-бусинкой сверлила.

— В работницы хочу наняться к Князю Морозу, — вымолвила девица тихо, но твёрдо.

Пичужка встрепенулась, с ветки на ветку перепорхнула, замерла снова.

— Что ж ты среди людей не поищешь? Зачем сразу к духам подалась? Не жалуют тут смертных, только по острой нужде отваживается ваш брат в наши земли тайные ступать. Иной раз и вовсе не ворочается.

— Знаю, — кивнула Есения. — Да только нет у меня другого пути.

И рассказала всё, как на духу.

— Прошлой зимой сестрица моя, Настенька, богатое приданое в награду за службу верную от Князя получила. И жених ей сразу сыскался — Иван, добрый да работающий. Уже и свадьбу они сыграли весной, живут душа в душу.

Птичка слушала, не перебивала.

— А я, — Есения голос уронила, — в семье нашей дочка старшая. Не гоже младшей поперёд старшей замуж идти. Да только уж прошлого не воротить. Теперь вся деревня надо мной потешается. «Марфуша засиделась, — шепчутся, — видно, не нужна никому», и всяк жених наш двор стороной обходит.

Она усмехнулась горько.

— Не найти мне там больше ни счастья, ни уважения. Маменька — хоть и родная мне по крови, а на людях стыдит почём зря. Батюшка добр ко мне, но в беде эдакой и вовсе не заступник — тихий, безответный. Вот и иду попытать счастья в землях заповедных. Может, и мне удача улыбнётся.

Птица вздохнула — по-человечьи, со свистом.

— Глупость ты затеяла, девица. Жаль мне тебя, добрая ты, да пропадёшь ни за что. Воротись лучше домой, пока засветло. Так и быть, выведу в благодарность за угощение. Дорогу обратную покажу.

Есения покачала головой, лента алая в косе метнулась.

— Спасибо тебе, птичка, за доброту твою да заботу. Ты первая, кто меня пожалел за целый год. — Голос её дрогнул, но глаза остались сухими. — Только нет мне пути назад.

Она поднялась с поваленной ели, отряхнула подол.

— Маменька не даст мне путь собственный выбрать. Сама решит, за кого сосватать. Да и сестру изводить будет — что старшая не замужем по её вине, что приданого за мной нет, а без приданого никто не возьмёт. Настенька мой единственный свет в доме родном, и то я ей только обуза.

Пичуга молчала долго. Потом тихо спросила.

— А Князь-то Мороз тебе зачем? Ты не за приданным идёшь. Я вижу.

Есения улыбнулась — впервые по-настоящему, с теплом.

— Мне бы... любви. Чтоб сердце заходило, чтоб дух захватывало. Как в песнях поют, как во снах снится.

— Ох, девица, — прошептала птичка. — Ох, неладное ты задумала. Там, куда ты идёшь, сердца не спрашивают. Там — уговоры да откуп. Ты готова платить?

— А чем платить-то? — Есения развела руками. — Жизнью? Она и так не сладка. Душой? Так она чиста.

Птица покачала головой, но спорить не стала.

— Иди прямо, — сказала, взлетая. — За тем буреломом тропа откроется. Только помяни моё слово: Князь Мороз не даёт просто так. Он берёт. И не всегда то, что ты отдать готова.

И исчезла в ветвях, только снежок посыпался.

Есения перекрестилась на всякий случай — и шагнула вперёд, за поваленную ель.

Глава 3. Терем расписной.

Шла Есения дальше, и лес перед ней распахивался, как сундук с драгоценностями. Всё диковинней, всё чудесней становилось.

Сосны стояли в жемчужных ожерельях — иней на каждом сучке, на каждой хвоинке. Ветви к земле пригибались от тяжести снежной, да не ломались — гордые, сильные. Солнце сквозь них пробивалось лучами тонкими, словно золотыми спицами, и те лучи в снегу играли — синим, бирюзовым, серебряным, как в собольей шубе на свету. Есения ахнула, остановилась. Не чуяла холода, хоть сарафан тонок, а морозец крепчал.

— Господи, красота-то какая! — прошептала она, головой вертя.

И правда, каждый шаг — как в сказку. То ёлочка махонькая, вся в серебряной бахrome, стоит — не надышишься. То куст заиндевший — будто коралл белый из моря вырос, каких она отродясь не видывала. А снег вокруг — не просто белый, а с отливом: на солнце голубой, в тени — фиолетовый, а поутру, видать, розовый. Есения нагнулась, горсть набрала — рассыпается, что мука тонкого помолу, а в каждой снежинке узор, какого ни одна кружевница не сплетёт.

— И как только Мороз такую красоту сотворил? — дивилась она вслух.

Птицы впереди порхали, дорогу указывали. Сорока где-то затрещала, дятел застучал — не страшно, а весело. Есенин казалось, что сами деревья ей кланяются, что ветерок шепчет ласковые речи. Иль то мерещилось от усталости да холода?

Тут лес расступился. Сначала показался просвет, потом — широкая поляна, а на ней — терем расписной.

Девушка замерла с единым вздохом.

— Ох ты, батюшки...

Дворец весь из льда стоял, да не простого — синего, прозрачного, толщиной в ладонь, а внутри — будто огни горят, искры так и струятся, так и переливаются. Есения ладонь к стене прижала — думала, обожжёт холодом, а лёд оказался словно живой, будто кто невидимый тепло изнутри отдаёт. Отдёрнула руку — сердце чаще забилося. Стены резные — витые столбы, узоры морозные, словно кружево застыло. На крыше — шпили хрустальные, на них звёзды пламенеют. А вокруг — точно из самоцветов всё: блики искрят, лучи преломляются, радугой так и пылают. Есения глаза ладонью заслонила — не от солнца, от блеску богатого.

— Неужто здесь Князь живёт? — прошептала она. — Да тут и царю не зазорно Ах, красота неопишная!

Она хотела ещё полюбоваться, но шум, гам и брань отвлекли.

На площади перед теремом — сущий базар начался. Повозки скрипят, гружёные доверху: сундуки кованые, меха пушистые, ящики с посудой. Лошади фыркают, пар из ноздрей валит. Народ снуёт — кто в шубах долгополых, кто в зипунах, кто просто в кафтанах подпоясанных. Бранятся, покрикивают, тюки тащат да перекладывают.

— Эй, берегись! — крикнул кто-то, и мимо Есенин сани пронесли с вязанками шкур да чуть не задели.

Девушка отшатнулась и тут же налетела на другого, дородного мужика.

— Простите, родимые, — пробормотала она, кланяясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.